

Книжные лавки убрали с глаз долой всевозможные бульварные книжонки, выставившиеся прежде на самых видных местах, и теперь продавали их лишь хорошо знакомым людям. Даже уличные торговцы стали куда сдержаннее в шутках, опасаясь из-за одного некроткого слова угодить в тюрьму.

По улице Юнлэ медленно проезжали неприметные носилки. Сидевший внутри юйши-дафу с уверенной улыбкой на худом лице убрал докладную записку, испещренную мелкими иероглифами.

На следующий день доклад с обвинениями против маркиза Чжунъюна лег на стол государя.

В то же время у дворцовых ворот загремел барабан для подачи жалоб. Оборванная старуха стояла на коленях рядом с барабаном, отчаянно била челом и, захлебываясь слезами, кричала:

— В поместье маркиза Чжунъюна ни во что не ставят человеческие жизни! Прямо у ног правителя! Где же закон? В поместье маркиза Чжунъюна ни во что не ставят человеческие жизни, прямо под носом у Сына Неба! Где закон?!

Старуха казалась безумной, ее голос звучал дико и надрывно. Она билась головой об землю раз за разом, пока кровь со лба не окрасила каменные плиты.

Гул барабана докатился от ворот до самого тронного зала. Император Аньцин с недовольным видом держал в руках донос:

— Кто там бьет в барабан?

— Ваше Величество, там старуха взывает к справедливости, — отвечающий прислужник метнул осторожный взгляд на маркиза Чжунъюна, стоящего среди чиновников.

— О какой несправедливости речь?

— ...Она обвиняет поместье маркиза Чжунъюна в губительстве невинных людей.

Рука императора Аньцина замерла. Он швырнул длинную докладную к подножию постамента и с гневом спросил:

— Маркиз Чжунъюн, что ты скажешь на это?

Маркиз Чжунъюн поспешно вышел из строя, опустился на колени и, трепеща от страха, поднял с пола свиток. Быстро пробежав глазами несколько строк, он пал ниц и возопил:

— Ваше Величество, прозрите! Это наговор и клевета! Ваш верный слуга невиновен!

Император Аньцин терпеть не мог хлопот. Увидев это, он лениво откинулся на драконий трон и указал пальцем на юйши-дафу:

— Дражайший Хэ, ты и говори.

Юйши-дафу поклонился, вышел вперед и невозмутимо произнес:

— Маркиз Чжунъюн и члены его семьи повинны в захвате чужих земель и убийствах невинных. Перечень их преступлений таков...

Младший брат маркиза Чжунъюна совершил убийство, дабы завладеть чужой женой; побочный

сын маркиза незаконно присваивал чужие угодья; а супруга маркиза лишила жизни трех девушек из почтенных семей...

С каждым оглашенным преступлением лицо маркиза Чжунъюна становилось все бледнее. Когда чиновник дочитал до конца, маркиз был уже блее полотна, однако все еще изо всех сил пытался сохранять самообладание:

— Всё это клевета! Даже если юйши-дафу затаил на меня обиду за то, что я плохо заботился о его покойной дочери, к чему возводить на меня такую напраслину?!

Строгое лицо юйши-дафу оставалось безучастным. Подобрал полы халата, он опустился на колени:

— Ваше Величество, рассудите нас. Моя дочь скончалась от болезни, с чего бы мне таить злобу на маркиза Чжунъюна? Каждый пункт обвинения подкреплён доказательствами, здесь нет и тени наговора. Если маркиз Чжунъюн не согласен, пусть председатель Храма Дали проведет расследование!

Маркиз Чжунъюн поперхнулся словами. Он беспокойно огляделся по сторонам и в конце концов с надеждой уставился на Ань Чжикэ.

Как раз в этот момент император Аньцин спросил:

— А что думает дражайший Ань?

Ань Чжикэ вышел из строя и, взвесив слова, ответил:

— Кто прав, а кто виноват, станет ясно, как только Храм Дали проведет расследование.

— Да будет так, — молвил император Аньцин. — Передать дело Храму Дали. Юйши-дафу проконтролирует расследование от Моего имени.

— Слушаемся, Ваше Величество.

Храм Дали действовал стремительно и решительно. К тому же под надзором известного своей неподкупностью юйши-дафу все многочисленные обвинения против домочадцев маркиза Чжунъюна вскоре подтвердились. Трёх членов семьи поместья маркиза Чжунъюна взяли под стражу, а вопрос об ответственности самого маркиза, потворствовавшего беспределу близких, решили вынести на усмотрение императора Аньцина.

Когда стражники Храма Дали уводили арестованных из поместья, на улице собралось немало зевак. Юйши-дафу всё так же сохранял невозмутимый вид, тогда как маркиз Чжунъюн уже не мог скрыть волнения. Сцепив зубы, он прошипел:

— В людских отношениях стоит оставлять шаг к отступлению. Тесть, к чему проявлять такую жестокость?

Юйши-дафу смерил его острым взглядом:

— Маркиз полагает, что на этом всё закончилось?

Маркиз Чжунъюн опешил:

— Что вы имеете в виду?

Юйши-дафу ответил:

— Главная опора поместья — сам маркиз. Пока вы невредимы, поместье маркиза Чжунъюна нельзя считать павшим.

С этими словами он взмахнул рукавами и удалился.

На следующий день из крепостного рва Ецзина выловили женский труп. Осмотр тела показал, что погибшая — та самая молодая вдова, из-за которой спорили дядюшка и племянник из поместья маркиза Чжунъюна. Город загудел. О той вдове давно ничего не было слышно, и никто не ожидал, что ее нет в живых.

Председателю Храма Дали, готовившему итоговую докладную для императора Аньцина, пришлось спешно выехать со своими людьми в управу столичного градоначальника. Разматывая клубок улик вокруг погибшей, они неожиданно вышли на целый пласт новых преступлений: выяснилось, что на счету убийцы, сбросившего тело в воду, числится еще несколько смертей.

Под пытками в Храме Дали злоумышленник сознался, что является доверенным лицом маркиза Чжунъюна и выполнял для него самую грязную работу.

Председатель Храма Дали подробно изложил всё в докладе. Император Аньцин пришел в ярость и повелел карать по всей строгости закона.

Маркиза Чжунъюна лишили титула и вместе с младшим братом и супругой приговорили к немедленной казни через обезглавливание перед Полуденными воротами. Его побочного сына У Цзюньшу лишили чина и ученых заслуг, разжаловали в простолюдины без права занимать государственные должности. Все имущество поместья маркиза Чжунъюна конфисковали в казну, а прочую родню обшарили и выставили вон...

Сказители, которых по просьбе маркиза Чжунъюна упрятали за решетку «для острстки», наконец вышли на свободу. Прежний столичный градоначальник, попавший под горячую руку из-за связей с маркизом, был понижен сразу на три чина и отправлен в глубинку мелким чиновником.

Обретшие свободу сказители принялись за дело с новым размахом. Падение поместья маркиза Чжунъюна не только выплеснулось за пределы Ецзина, но и легло в основу театральных пьес. Эта история стала невероятно популярной у публики.

.....

Ань Чанцин сидел напротив Сяо Чжигэ и с улыбкой лущил кедровые орешки. Очистив целое блюдечко, он с готовностью подвинул его к нему:

— На этот раз лишь благодаря князю У Цзюньшу больше никогда не сможет подняться.

По первоначальному замыслу Ань Чанцина удалось бы разве что запятнать имя У Цзюньшу и поместья маркиза Чжунъюна, но не подорвать их положение коренным образом. Ведь людская память коротка, а толпа склонна заискивать перед сильными и презирать павших. Пока жив маркиз Чжунъюн и стоит его поместье, У Цзюньшу оставался бы молодым господином из знатного дома.

Если бы Сяо Чжигэ не научил его, как с помощью юйши-дафу сокрушить самого маркиза Чжунъюна, Ань Чанцин отомстил бы за свою прошлую жизнь еще очень нескоро.

В глазах Сяо Чжигэ блеснула улыбка. Съев один орешек, он подвинул остальное обратно к нему, а сам забрал тарелку с неочищенными кедровыми орехами и продолжил лущить:

— Ешь.

Ань Чанцин подпер подбородок ладонью и стал разглядывать его. Понаблюдав немного, он не удержался, пододвинулся ближе и с надеждой спросил:

— Князь, вы продолжите разбирать со мной военные трактаты в будущем?

Получив несколько уроков, Ань Чанцин всё глубже поражался проницательности и изощренному уму этого человека, с которым сам не мог и сравниться. Когда столь искусный наставник делит с тобой ложе, было бы настоящим преступлением не учиться у него при каждой возможности.

Под взглядом его сияющих глаз Сяо Чжигэ неловко отвел взор и проговорил:

— Хорошо. Но военное дело — вещь весьма скучная.

Ань Чанцин качнул головой:

— Я не боюсь.

Сяо Чжигэ откликнулся кратким «хм», поднялся и достал с полки три увесистых трактата по военному искусству:

— Сначала прочти эти три. Если что-то будет непонятно... спросишь меня.

Стопка из трех книг оказалась высотой с вазу, стоявшую неподалеку. Ань Чанцин наугад перелистал несколько страниц:

— ...

Он захлопнул книгу и с надеждой уставился на Сяо Чжигэ:

— Князь сам не станет мне объяснять?

Сяо Чжигэ качнул головой:

— Всякая военная стратегия кроется в Пути, а не в уловках. Соотношение ложного и истинного, прямого и обходного меняется бесконечно. Ты должен сам дойти до этого умом и прочувствовать, я же могу лишь наставлять со стороны.

Ань Чанцин уныло отозвался:

— Оу...

Но он всё же решил забрать книги, чтобы неторопливо изучать их. Он позвал Ань Фу и велел ему отнести книги в главные покои, чтобы прочесть их по возвращении.

Три сложенные вместе книги были очень тяжелыми. Ань Фу не удержал их как следует и

случайно задел локтем вазу на столе. Ваза повалилась, и вставленные в нее два свитка выскользнули и развернулись прямо на полу.

Ань Чанцин поспешно кинулся поднимать их. Однако, взглянув на рисунки, он удивленно приподнял бровь:

— Откуда эти картины у князя?

Это ведь плата, которую он отдал Ху Шифэю, когда просил того вылечить матушку. Рисунок сделал сам Ху Шифэй.

Он невольно перевел взгляд на второй свиток — на нем тоже был изображен он сам! Но когда две картины лежали рядом, даже Ань Чанцин, не разбирающийся в живописи, сразу увидел разницу в мастерстве.

Свиток Ху Шифэя выглядел куда более изящным и утонченным — в нем чувствовалась глубокая техника. Второй же портрет, хоть и передавал облик чрезвычайно живо, был написан довольно неумелыми, неопытными штрихами.

Глаза Ань Чанцина бегали от одного рисунка к другому, а сам он краем глаза поглядывал на Сяо Чжигэ.

Сяо Чжигэ мрачнел на глазах, лицо его выглядело почти пугающим. Остолбеневший неподалеку Ань Фу сжался, словно перепуганная перепелка, не смея издать ни звука.

— Ань Фу, выйди пока.

<http://bllate.org/book/18381/1767644>